

УДК 821.111-31(680)
ББК 84(6Южн)-44
К95

J. M. Coetzee

ELISABETH COSTELLO: EIGHT LESSONS

Copyright © by J. M. Coetzee, 2003. By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc. 350 Fifth Avenue, Suite 5300 New York, NY 10118 USA.

Перевод с английского *Г. Крылова*
Разработка серии — *К. А. Терина*
Дизайн переплета — *А. Г. Сауков*

Иллюстрации на суперобложке, переплете и форзацах —
В. Коробейников

В коллаже на обложке, форзацах и суперобложке
использованы иллюстрации:

Liudmila Veledynska, gigi rosa, freesoulproduction, Karjalas,
Guenter Albers / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кутзее, Дж. М.

К95 Элизабет Костелло / Дж. М. Кутзее ; [пер. с англ. Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Лучшее из лучшего. Книги лауреатов мировых литературных премий).

ISBN 978-5-04-093414-0

«Элизабет Костелло» — это манифест честности. История жизни экстраординарной австралийской писательницы, которой никогда не существовало. Признанный гений, она ведет дискуссии о литературе и искусстве, славе и богатстве, ревности и сексе. Порой она бывает страшно непристойной, но никогда — на сто процентов честной. Правда, наедине с собой Элизабет временами решает на смелый шаг: анализируя собственную жизнь, свои поступки, она становится судьей не только другим, но и самой себе. Она пытается найти ответ на самый важный вопрос: что же нужно человеку в этом мире и в чем его миссия?

УДК 821.111-31(680)

ББК 84(6Южн)-44

© Крылов Г. Перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-04-093414-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Урок 1

РЕАЛИЗМ

Прежде всего возникает проблема начала, а именно, как доставить нас оттуда, где мы находимся — а это пока что нигде, — на противоположный берег. Это простая проблема мостостроения, проблема сколачивания моста. Люди решают такие проблемы ежедневно. Они их решают, а решив, двигаются дальше.

Допустим, что, как бы это ни было сделано, оно сделано. Давайте допустим, что мост построен и пересечен, что мы можем выкинуть эту заботу из головы. Территория, на которой мы находились, осталась позади. Мы на дальней территории, где и хотим находиться.

Элизабет Костелло — писатель, родилась в 1928 году, значит, ей шестьдесят шесть лет, идет шестьдесят седьмой. Она написала девять романов, две книги стихов, книгу о жизни птиц и кучу статей. По рождению она австралийка. Родилась в Мельбурне, где она и живет до сих пор, хотя годы с 1951 по 1963-й провела за границей — в Англии и Франции. Два раза была замужем. У нее двое детей — по одному от каждого брака.

Имя себе Костелло сделала своим четвертым романом — «Дом на Экклс-стрит» (1969), главная героиня которого — Марион Блум, жена Ле-

опольда Блума, главного героя другого романа — «Улисс» (1922) Джеймса Джойса¹. За последнее десятилетие вокруг Элизабет выросла небольшая критическая индустрия; существует даже Общество Элизабет Костелло со штаб-квартирой в Альбукерке, штат Нью-Мексико, оно ежеквартально выпускает «Вестник Элизабет Костелло».

Весной 1995 года Элизабет Костелло отправилась в путешествие или отправляется в путешествие (начиная с этого момента — настоящее время) в Уильямстаун, штат Пенсильвания, в Алтон-колледж для получения Премии Стоу. Премия присуждается раз в два года крупнейшему писателю планеты, выбираемому жюри из критиков и писателей. Премия состоит из денежной части в 50 000 долларов, предоставляемой по завещанию фондом Стоу, и золотой медали. Это одна из крупнейших литературных премий в Соединенных Штатах.

В поездке в Пенсильванию Элизабет Костелло (Костелло — ее девичья фамилия) сопровождает ее сын Джон. Джон преподает физику и астрономию в колледже в Массачусетсе, но исходя из каких-то собственных соображений он взял годичный отпуск. Силы у Элизабет уже не те, что прежде, и без помощи сына она не смогла бы предпринять такое нелегкое путешествие на другой конец света.

Здесь мы делаем пропуск. Они добрались до Уильямстауна, где их проводили в отель, на удивление большое здание для маленького города — высокий шестиугольник, снаружи темный мра-

¹ Джеймс Джойс поселил героев «Улисса», чету Блум, в реально существующий дом № 7 на Экклс-стрит в центре Дублина. — Здесь и далее примечания переводчика.

мор, а внутри стекло и зеркала. В номере Элизабет происходит диалог.

— Тебе здесь будет удобно? — спрашивает сын.

— Не сомневаюсь, — отвечает она.

Номер находится на двенадцатом этаже, из окна открывается вид на площадку для игры в гольф, а за ним — на поросшие лесом холмы.

— Тогда почему бы тебе не отдохнуть? За нами приедут в шесть тридцать. Я тебе за несколько минут до начала позвоню.

Он собирается уходить. Она говорит:

— Джон, чего именно они от меня хотят?

— Сегодня вечером? Ничего. Сегодня только обед с членами жюри. Мы не позволим ему зятнаться допоздна. Я им напомню, что ты устала.

— А завтра?

— Завтра — другая история. И, боюсь, к завтрашнему дню тебе придется набраться сил.

— Я забыла, почему я согласилась приехать. Похоже, я подвергла себя серьезному испытанию, а для чего — бог знает. Нужно было попросить их обойтись без церемонии, а просто отправить чек почтой.

После долгого перелета она выглядит на свои годы. Она никогда не заботилась о собственной внешности, она пользовалась успехом такой, какая она есть. Теперь не то. Она старая и усталая.

— Боюсь, так это не работает, ма. Если ты принимаешь деньги, то должна принять и шоу.

Она качает головой. На ней все еще старый синий дождевик, который она надела в аэропорту. Волосы ее сальные, безжизненные. Она не проявила ни малейшего желания распаковать вещи. Если он оставит ее сейчас, что она станет делать? Ляжет в плаще и туфлях?

Он приехал сюда с ней, потому что любит ее. Он не может себе представить, как она пройдет это испытание, если его не будет рядом. Он с ней, потому что он — ее сын, ее любящий сын. Но еще он вот-вот должен стать — какое отвратительное слово — ее коучем.

Он думает о ней как о тюленихе, старой, усталой цирковой тюленихе. Еще раз ей придется забраться в лохань, еще раз продемонстрировать, что она умеет держать мяч на носу. А он должен льстить ей, подбадривать, помогать ей пройти через это представление.

— Иначе они не согласны, — говорит он как можно мягче. — Они восхищаются тобой, хотя и оказать тебе почести. И ничего лучшего для этого они не придумали. Дать тебе деньги, рекламировать твое имя. С помощью второго делать первое.

Она стоит перед письменным столом в стиле ампира, перебирает рекламные проспекты, которые сообщают ей, где делать покупки, где есть, как пользоваться телефоном, она кидает на сына мимолетный иронический взгляд, который все еще может удивлять его, напоминать ему о том, кто она.

— Ничего лучше не придумали? — бормочет она.

В шесть тридцать он стучит в ее дверь. Она собралась, ждет, полна сомнений, но готова встретить врага лицом к лицу. На ней синий костюм и шелковый жакет — униформа женщины-романиста, белые туфли, в которых нет ничего плохого, только она в них становится похожей на Дейзи Дак¹. Она вымыла волосы, зачесала их назад. У них все еще сальный вид, но благородно саль-

¹ *Дейзи Дак* — утка, мультипликационный персонаж, созданный в 1940 году Диком Ландли.

ный, как у землекопа или механика. На ее лице уже пассивное выражение, если бы такое выражение появилось на лице молодой девушки, сказали бы, что она «ушла в себя». Лицо без личности, над такими лицами фотоаграфам приходится поработать, чтобы они отличались одно от другого. Как у Китса, думает он, величайшего сторонника отрешенной восприимчивости¹.

Синий костюм, сальные волосы — это детали, знаки умеренного реализма. Показывай детали, значение проявится само собой. Этот метод ввел в обращение Даниэль Дефо. Выброшенный на берег Робинзон Крузо оглядывается в поисках кого-нибудь из членов экипажа. Но никого не видит. «Увы, никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, — говорит он, — кроме трех принадлежавших им колпаков, одной шапки да двух непарных башмаков, выброшенных морем на сушу». Два башмака: оказавшись непарными, башмаки перестали быть обувью, стали доказательствами смерти, сорванными бурлящим морем с ног тонущих и выброшенными на берег. Ни сильных слов, ни отчаяния — только шапки, колпаки и обувь.

Сколько он себя помнил, его мать уединялась по утрам — работала. Ни при каких обстоятельствах никто не должен был беспокоить ее. Он считал себя несчастным ребенком, одиноким и нелюбимым. Когда им с сестрой становилось особенно

¹ У Кутзее сложное отношение к Китсу, если в молодости он старался быть его подражателем, то в его романе «Сцены из провинциальной жизни» мы находим следующие строки: «Китс похож на арбуз, мягкий, сладкий и красный, тогда как поэзия должна быть жесткой и ясной, как пламя».

жалко себя, они садились у запертой двери и производили тихие жалобные звуки. Спустя какое-то время жалобные звуки сменялись гудением или пением, и им становилось лучше, они забывали о своей заброшенности.

Теперь сцена переменилась. Он вырос. Он уже не за дверью — он внутри, наблюдает: она сидит спиной к окну, смотрит недовольно — день за днем, год за годом, ее волосы из черных медленно превращаются в седые, — на пустую страницу. Какое же упрямство, думает он! Она, несомненно, заслуживает за это медаль, медаль за это и многое другое. За доблесть превыше той, что требует долг.

Перемены наступили, когда ему стукнуло тридцать три. До того времени он не прочитал ни слова из того, что написала мать. Таким был его ответ ей, его месть за то, что запиралась от него. Она отказывала ему, а потому он отказывал ей. А может быть, он отказывался читать ее, чтобы защитить себя. Возможно, в этом и состоял глубинный мотив: отворотить удар молнии. А потом, в один прекрасный день, он, не говоря никому ни слова, взял в библиотеке одну из ее книг. После этого он стал читать все, читал открыто, в поезде, за столом во время ланча. «Ты что читаешь?» — «Одну из книг матери».

Он узнает себя в ее книгах. Или в некоторых из них. Он узнает и кое-кого из других; и, вероятно, есть и много таких, кого он не узнает. Она пишет о сексе, о страсти, ревности и зависти с таким прозрением, что это потрясает его. Это, безусловно, непотребство.

Он шокирован; предположительно, так же она воздействует и на других читателей. По большому

счету, именно по этой причине она, предположительно, и существует. Какое странное вознаграждение за целую жизнь, посвященную тому, чтобы шокировать людей: быть приглашенной в этот городок в Пенсильвании и получить деньги! Потому что она ни в коем случае не писатель-утешитель. Она даже жестока на тот манер, на какой бывают жестокими женщины, а у мужчин редко хватает для этого мужества. Так что же она за существо такое? Не тюлениха — для этого она недостаточно дружелюбна. Но и не акула. Кошка. Одна из тех больших кошек, которые, потроша свою жертву, делают паузы, смотрят на тебя холодным желтым взглядом над ее распоротым брюхом.

Их внизу ждет женщина — та же самая молодая женщина, которая встречала их в аэропорту. Ее зовут Тереза. Она преподает в Алтон-колледже, но в том, что касается Премии Стоу, — она порученец, девочка на побегушках, а в более широком смысле — незначительная фигура.

Он садится на пассажирское место рядом с Терезой, его мать — сзади. Тереза возбуждена, настолько возбуждена, что болтает без умолку. Она рассказывает им о городке, по которому они едут, об Алтон-колледже и его истории, о ресторане, в который они направляются. Посреди своего рассказа она умудряется ввернуть и два крохотных вопросика от себя. «К нам сюда прошлой осенью приезжала А. С. Байетт¹, — говорит

¹ *Антония Байетт* (Антония Сьюзен Байетт, род. 1936) — английская писательница. Автор более двух десятков книг, обладатель множества почетных ученых степеней.

она. — Что вы думаете об А. С. Байетт, миз¹ Костелло?» И чуть позднее: «Что вы думаете о Дорис Лессинг², миз Костелло?» Тереза пишет книгу о женщинах-писателях и политиках; летом она всегда в Лондоне, проводит то, что называет исследованиями. Джон не удивится, если у нее в машине работает диктофон.

У его матери есть словечко для таких людей. Она называет их золотыми рыбками. Их считают маленькими и безобидными, говорит она, потому что каждой нужен только крохотный кусочек плоти, минимикромиллиграммчик. Она через своего издателя каждую неделю получает письма от них. Прежде она отвечала: спасибо вам за ваш интерес, к сожалению, я слишком занята, чтобы ответить в той мере, в какой этого заслуживает ваше письмо. Потом один ее друг сказал ей, сколько стоят эти ее письма на рынке автографов. После этого она перестала отвечать.

Эти золотые крохи кружат вокруг умирающего кита, только и ждут, когда им представится возможность оторвать себе кусочек.

Они приезжают в ресторан. Накрапывает дождь. Тереза высаживает их у дверей, а сама уезжает припарковать машину. На несколько секунд они остаются вдвоем на тротуаре.

— Мы все еще можем отказаться, — говорит он. — Еще не поздно. Заказать такси, заехать в отель, забрать наши вещи. В половине девятого

¹ Принятое из соображений политкорректности обращение к женщине: замена двух слов — «мисс» и «миссис».

² *Дорис Мэй Лессинг* (1919–2013) — английская писательница, лауреат Нобелевской премии по литературе 2007 года.

мы будем в аэропорту и улетим первым рейсом. Мы исчезнем со сцены ко времени появления Канадской конной полиции.

Он улыбается. Она улыбается. Они выдержат всю программу — это ясно без слов. Но хотя бы потешить себя идеей бегства доставляет удовольствие. Шутки, тайны, заговоры; косой взгляд, словечко, сказанное кстати, — это их быть вместе, будучи порознь. Он будет ее оруженосцем, она будет его рыцарем. Он будет защищать ее, пока хватит сил. А потом он поможет ей облачиться в латы, посадит на жеребца, наденет круглый щит на ее руку, даст копьё и отойдет в сторону.

Сцену в ресторане, это в основном диалог, мы пропускаем. Мы возвращаемся в отель, где Элизабет Костелло просит сына просмотреть список людей, с которыми они только что познакомились. Он подчиняется, называет каждого, его официальные обязанности по жизни. Принимающую сторону возглавляет Уильям Бротегам, декан факультета искусств в Алтон-колледже. Председатель жюри — Гордон Уитли, канадец, профессор университета Макгилла, который писал о канадской литературе и об Уилсоне Харрисе. Та, которую называют Тони (Тони говорила с ней о Генри Ханделе Ричардсоне), — из Алтон-колледжа. Специалист по Австралии и преподавала там. Полу Сакс она знает. Лысый мужчина — Керриган, романист, ирландец по рождению, живет в Нью-Йорке. Фамилия пятого члена жюри — Мёбиус. Она преподает в Калифорнии и издает журнал. Она тоже автор нескольких рассказов.

— У тебя с ней состоялся ничего такой тет-тет, — говорит ему мать. — Она хорошенькая, да?

— Вероятно.

Она задумывается.

— Но все вместе они не показались тебе довольноно...

— Довольно легковесными? — Она кивает. — Да, они легковесны. Тяжеловесы не участвуют в шоу такого рода. Тяжеловесы решают тяжелые проблемы.

— Я для них недостаточно тяжеловесна?

— Нет-нет, ты вполне себе тяжеловесна. Твой минус в том, что ты — не проблема. Твое творчество еще не было представлено как проблемное. А когда ты предложишь себя как проблему, тебя пригласят в их суд. Но пока ты не проблема, а всего лишь пример.

— Пример чего?

— Пример писательства. Пример того, как пишут люди твоего положения, твоего поколения и твоего происхождения. Некий образчик.

— Образчик? Мне позволено выступить со словом возражения? После всех усилий, затраченных мною на то, чтобы не писать, как все другие?

— Мама, не имеет смысла дискутировать на эту тему со мной. Я не отвечаю за то, как тебя видит научное сообщество. Но ты, хочешь не хочешь, должна согласиться с тем, что на определенном уровне мы говорим, а следовательно, и пишем, как и все остальные. Иначе мы бы все говорили и писали на своих частных языках. Не так уж нелепо заниматься тем, что у людей есть общего, а не тем, что их разделяет, разве нет?

На следующее утро Джон оказывается втянутым в другую литературную дискуссию. В спортзале отеля он сталкивается с Гордоном Уитли, пред-

седателем жюри. Крутя педали стоящих друг подле друга велосипедных тренажеров, они ведут громкий разговор. Он кричит Уитли — не так уж и серьезно, — что его мать будет разочарована, если узнает, что Премию Стоу ей присудили лишь по причине объявления 1995 года годом Австралии.

— А как она себе это представляет? — кричит ему в ответ Уитли.

— Она представляет себе, что получает эту премию как лучшая, — отвечает он. — По честному мнению вашего жюри. Не как лучшая в Австралии, не как лучшая австралийская женщина, просто как лучшая.

— Без бесконечности у нас не было бы математики, — говорит Уитли. — Но это не означает, что бесконечность существует. Бесконечность — всего лишь концепция, изобретение человеческого разума. Мы, конечно, убеждены, что Элизабет Костелло — лучшая. Просто мы должны отдавать себе отчет в том, что означает такое заявление в контексте нашего времени.

Аналогия с бесконечностью для Джона лишена смысла, но он не ввязывается в дискуссию. Он надеется, что Уитли пишет лучше, чем думает.

Реализму никогда не было комфортно с идеями. Да иначе и быть не могло: реализм исходит из идеи, что идеи не существуют независимо, что они могут существовать только в вещах. А потому, когда реализму нужно поговорить об идеях, как в данном случае, он вынужден изобретать ситуации — прогулки за городом, разговоры, — в которых персонажи озвучивают конкурирующие идеи, и, таким образом, в известном смысле облачают их в некую форму. Представление об *облечении*